

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ***Владимир Карлович Кантор***

Доктор философских наук,
ординарный профессор Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ),
заведующий Международной
лабораторией русско-европейского
интеллектуального диалога (НИУ ВШЭ),
главный редактор журнала
«Философические письма.
Русско-европейский диалог»,
член Союза российских писателей,
член Общественного совета
Фонда Достоевского.
105066, Российская Федерация,

Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, каб. 215

E-mail: vlkantor@mail.ru

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-15-41

Как мы знаем, вне насилия, помимо насилия не существует ни одно общество — начиная с первобытных и кончая самыми цивилизованными. Насилие есть константа человеческого бытия на земле. Его история началась с изгнания из Рая, продолжилась братоубийством («восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его», Быт. 4:8), а если говорить о родстве всех людей, то братоубийство длится и поныне. Это вполне ясно зафиксировано в Библии: «Земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями» (Быт. 6:11). Со времен Гераклита известно, что «война (Полемос) — отец всех существ и царь всех существ: одних она являет богами, других людьми, одних творит рабами, других свободными» (Фр. 32 / В 53).

Но также тысячелетиями человечество пытается превратить войну (*Полемос*) в обычную (научную, художественную или журналистскую) *полемику*. Временами кажется, что цивилизация покрывает пленкой мирной жизни военные страсти. Я сравнил бы человечество с потухшим вулканом. На склонах его строятся деревни, возделываются поля и сады, и про то, что под ногами огонь, лава, люди забывают до следующего извержения, которым управлять не могут. Так плен-

ка цивилизации (религия, искусство, наука, живопись, вообще культура) вдруг прорывается — и выплескивается стихия зла, и вспоминаются слова апостола Иоанна: «весь мир лежит во зле» (1 Ин 5:19).

К этому добавлю рассуждение Мераба Мамардашвили: «Герои Достоевского как бы кричат из глубин своего молчания — это какая-то кричащая гримаса молчания. И молчание это связано с тем, что для таких духовно и нравственно чутких, чувствительных людей, как Достоевский или, скажем, Ницше, вся судьба цивилизации зависела от того, насколько наши обычаи, законы, мораль, привычки имеют корни (в том числе, что они вырастают из каждого лично), а не просто являются законами силы, поддерживаемой пленкой цивилизации. Оба они чувствовали, что если цивилизация только пленка, то это не путь, это взорвется — что и случилось. Достоевский и Ницше в глубине своей души чувствовали эти колебания почвы и сдвиги, которые вулканически должны были поднять все это на воздух» (Мамардашвили, 1995: 173).

В XX в. этот сдвиг произошел, и мир, в сущности, взлетел на воздух: погибли миллионы. Цифра — вещь нечувствительная. Говоришь «сотни тысяч», говоришь «миллионы», но даже ум не в состоянии этого осознать. Что уж говорить о чувствах! Они убиты, как эти миллионы: статистика всегда убивает душевное восприятие. При этом со временем забываются реалии, забывается последовательность событий, подменяются понятия и смыслы действовавших сил. Сегодня в глазах, так сказать, цивилизованного Запада Вторая мировая война была битвой двух деспотов — Сталина и Гитлера, двух чертей, по выражению Черчилля, коричневого и красного. Тогда Черчилль обратился к Рузвельту с призывом поддержать красного, поскольку коричневый опаснее.

Коричневый повержен, коричневая чума отступила, хотя — недаром так грустно завершается гениальный роман Камю «Чума» — не уничтожена. Тем не менее Россию как правопреемницу СССР по-прежнему называют угрозой западной демократии. И пишется в западных СМИ, что именно Запад победил Гитлера, а роль нашей страны факультативна. Забегая вперед, процитирую непреклонного Илью Эренбурга: «Мы поставили на колени гитлеровскую Германию, потому что мы были народом скромным и никого не хотели унижать, покорять и умять. <...> Когда мы увидели на нашей земле захватчиков, мы были одни. Англичане тогда еще были у себя на острове. Америка тогда еще не вступила в бой. Франция была повержена. А у Германии в те дни было очень много “союзников”» (Эренбург, 2004). Строго говоря, почти вся Европа шла с Гитлером на Советский Союз. Перечислять не буду, но от итальянцев до болгар практически все были вместе с армией нацистов.

Все эти дела требуют осмысления. Разумеется, один выпуск журнала с такой задачей не справится. Поэтому «военный» номер мы строим не на документах, а на реальных историях из жизни и письмах тех лет.

Лиля Герреро (Lila Gerrero).
Автопортрет
(публикуется по фотографии)

Алексей Павлович Коробицин.
Фотография. Конец 1937 г.

Для моей семьи война началась в Испании. 1936 г. — Гражданская война. Республиканское законное правительство и мятежники — франкисты, фалангисты. Советский Союз, Сталин, если угодно, послал в Испанию несколько сот военных специалистов, техников и образованных людей, свободно владевших испанским языком. Так в 1936 г. оказались в Испании моя бабушка Ида Исаковна Бондарева, много лет прожившая в Аргентине, и ее дочь от первого брака Елизавета Иннокентьевна Яковлева, имевшая поэтический псевдоним Лиля Герреро. В 1926 г. она вместе с матерью и отчимом, моим дедом, профессором геологии Моисеем Исааковичем Кантором, приехала в Советский Союз, здесь прожила до 1937 г., потом вышла замуж и уехала обратно в Аргентину.

И, наконец, сын профессора, самый боевой из моих старших родственников, единокровный брат отца, дядя Алеша (Алексей Павлович Коробицин: после ухода деда из семьи он взял фамилию матери и ее отчество), но о нем будет особый рассказ. В его служебной характеристике говорилось: «Товарищ Коробицин попал в Испанию переводчиком, работал с военно-морским атташе и главным военно-морским советником, будущим адмиралом флота Советского Союза Н. Г. Кузнецовым, был награжден орденом Красной Звезды»¹.

Тетя Лиля тоже получила орден Красной Звезды. Бабушка — орден Красного Знамени. Ее подвиг я знаю, она спо-

¹ Здесь и далее ссылки на этот документ приводятся по копии из семейного архива.

койно рассказывала. Она служила переводчицей при штабе республиканских и советских военачальников в Валенсии. Неожиданно франкисты выбили республиканцев из города. И все штабное начальство пустилось наутек, забыв в штабе переводчицу, но, что было страшнее и грозило расстрелом, также побросали документы и штабные карты. Бабушка как аккуратная женщина, да еще с опытом подпольщицы (член партии большевиков с 1903 г.), собрала все секретные бумаги, спрятала в муфту и ушла к своей валенсийской подруге. У нее прожила дня три. Потом республиканцы выбили франкистов. Штабные, как побитые псы, вернулись в резиденцию, не зная, как объяснить более высокому начальству потерю штабной документации. Когда бабушка вернула бумаги, ее представили к ордену Красного Знамени. У нее на письменном столе, как помню, стояла маленькая фигурка интербригадовца (члена одной из интернациональных бригад, вооруженных воинских подразделений, в которых за республиканскую Испанию в 1936–1938 гг. сражались добровольцы из разных стран — анархисты, коммунисты, социалисты и др., словом, придерживавшиеся левых взглядов). Ну и фигурка Дон Кихота каслинского литья.

Испанцы казались Дон Кихотами, хотя были суровыми людьми. Лучше всех написал об этой войне все же Хемингуэй. Его великий роман «По ком звонит колокол» очень долго боялись перевести в СССР.

В сущности, все интербригадовцы были на свой лад Дон Кихотами. Многие погибли, выжившие оставили свидетельства об испанских боях. Это и Дос-Пасос, и Оруэлл, и Хемингуэй. Но и еще немало знаменитых: Вилли Брандт, Эрнст Буш, Поль Робсон, Мате Залка, Симона Вейль, Людвиг Ренн, Хосе Альфаро Сикейрос, Луиджи Лонго и др.

Что касается советских бойцов, которых называют добровольцами, то, как я понимаю, опираясь на опыт своей семьи, добрую волю, конечно, проявляли, но играла роль и партийная дисциплина. Кстати, это симптом времени: то же у троцкистов, нацистов, фашистов.

Памятник советским добровольцам, воевавшим в Мадриде.

Скульптор А. И. Рукавишников, архитектор И. Н. Воскресенский.

Муниципальное кладбище Фуэнкарраль, Мадрид. 1989

Эренбург, как военный корреспондент газеты «Известия» бывший в то время в Испании, так описал свое первое впечатление:

Сердце, это ли твой разгон?
Рыжий, выжженный Арагон.
Нет ни дерева, ни куста,
Только камень и духота.
Все отдать за один глоток!
Пуля — крохотный мотылек.
Надо выползти, добежать.
Как звала тебя в детстве мать?
Красный камень. Дым голубой.
Орудийный короткий бой.
Пулеметы. Потом тишина.
Здесь я встретил тебя, война.
Одурь полдня. Глубокий сон.
Край отчаянья, Арагон.

Русским эмигрантам было ясно: «В Испании сейчас решается судьба России» (Федотов 1988: 68). Это было ясно и советским добровольцам, оказавшимся на фронтах испанской Гражданской войны. Здесь произошло первое столкновение (*на чужой территории*) гитлеровской Германии и сталинской России. На стороне Франко — нацистская Германия и фашистские силы Италии. Задача фалангистов — взять столицу. При участии советских добровольцев и бойцов интербригад наступление франкистов на Мадрид было отбито.

П. Пикассо. Герника. Холст, масло. 349 × 776 см. 1937.
Музей королевы Софии, Мадрид

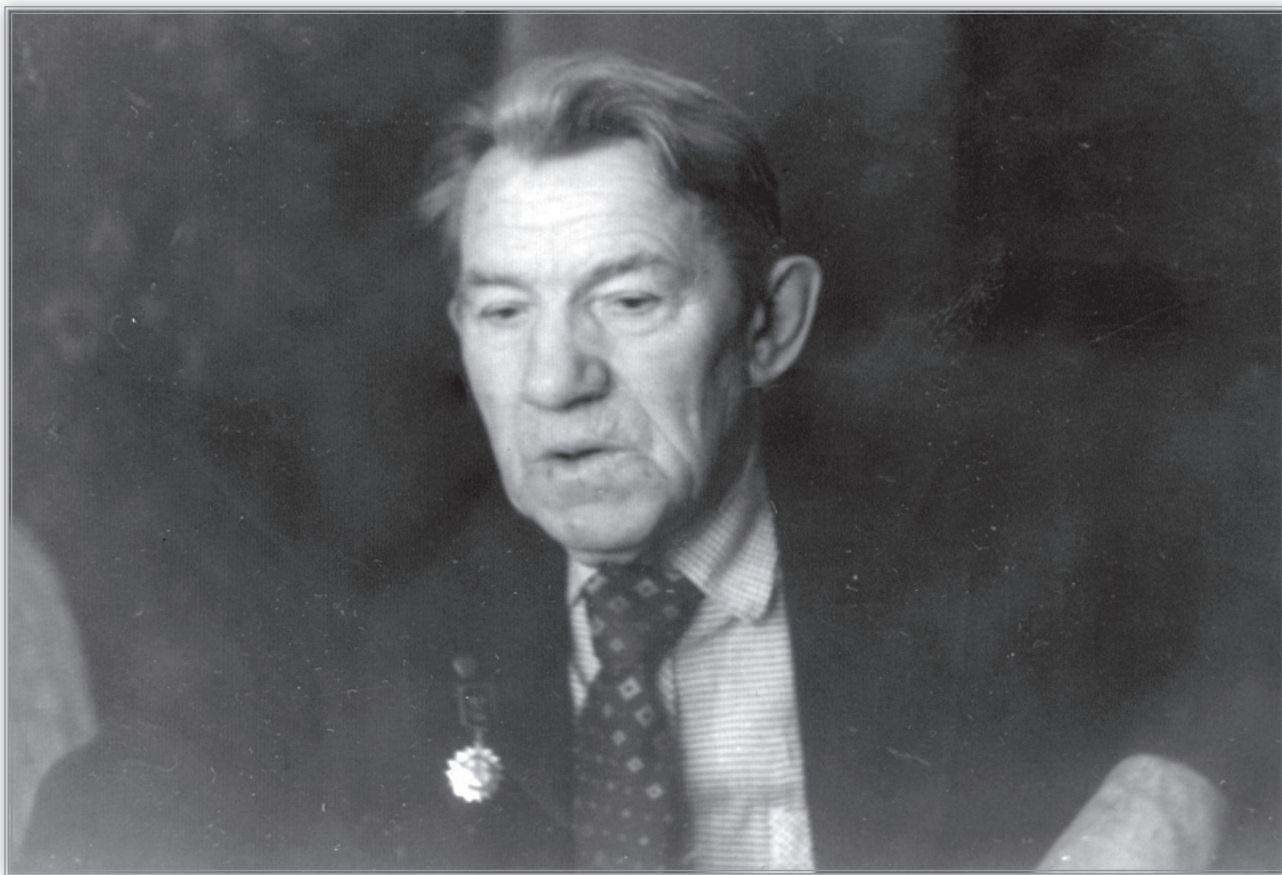
Руины Герники. Из фотоархива СССР

Тогда и родился знаменитый лозунг «No pasaran!» («Они не пройдут!»). Сегодня эту фразу в разных контекстах повторяют молодые люди, не зная, как она родилась.

Как мы знаем, испанскую республику не защитили. Но, кроме советских коммунистов и коммунистов из других европейских стран, там воевало много интеллектуалов-демократов. Военной силой Запад не желал помогать республиканской Испании. Но, повторю, это не касалось благородных добровольцев из Европы. Живший во Франции испанский художник Пабло Пикассо посвятил одну из самых знаменитых картин городу басков Гернике, который сровняла с землей немецкая авиация.

А Альбер Камю после поражения записал одну из самых грустных своих резиньяций: сила может подавить дух, и бывают времена, когда мужество не получает заслуженной награды.

Немногие приехавшие из СССР, однако, понимали, что сражаются не только за Испанию, но и за свою страну. Как писал Оруэлл, приверженцы Франко говорили, «что численность советских частей чуть не полмиллиона. А на самом деле никакой русской армии в Испании не было. Были летчики и другие специалисты-техники, может быть, несколько сот человек, но не было армии. Это могут

Э. Я. Даугул. Фото из семейного архива. 1990-е гг.

подтвердить тысячи сражавшихся в Испании иностранцев, не говоря уже о миллионах местных жителей» (Оруэлл, 1984: 409).

Но люди из СССР, из всех социальных слоев, присутствовали и свидетельствовали.

Поразительно, что спустя годы после смерти воевавших в Испании родственников мы с женой оказались в коммунальной квартире соседями советского техника и слесаря Эрнеста Яковлевича Даугула, работавшего в Испании на аэродроме. Орден, правда, он получил. По возвращении из Испании его отправили в дом отдыха, а там через месяц арестовали, и он 12 лет провел в концлагере. Своего рода благодарность за выполнение интернационального долга. В лагере он нажил себе язву. На его удачу, с ним вместе срок отбывал доктор, профессор медицины, предложивший неожиданное лечение: выпить натошак полстакана спирта, прочистить тем самым желудок и заесть столовой ложкой хорошего меда. Так он и сделал, выйдя на свободу. Вылечился. Но нам уже не советовал. «Вы же не зеки, — говорил. — У вас лекарства есть». Но про Испанию не очень говорил. Хотя орден иногда надевал.

Это были испарения испанской войны, которые долго вились вокруг меня.

Ждали ли войну с Германией? Не могу понять. Версий много. Думали, что война если будет, то «малой кровью, могучим ударом» и на чужой территории. То есть

у тех, кто говорит, что два диктатора делили мир, основания есть. Но 22 июня все изменилось. И коренным образом.

Собственно, строчки из лучшей поэмы тех лет — «Василий Теркин» Александра Твардовского — именно об этом:

Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Эту строчку я неслучайно сделал заглавием своих заметок. Речь шла не о переделе мира, речь шла о сохранении всего живого. Именно за это сражались советские солдаты. Вот замечательные строчки русского эмигранта: «Я выехал из Франции, когда раздавались первые артиллерийские залпы по Сталинграду и вся Европа опять прислушивалась к шуму битвы на поле Куликовом. Все знали: там теперь решается судьба гуманистического наследства. Сталин, не желая этого, защищал Иерусалим, Афины и Рим. <...> Не только Севастополь или Россию отстаивали тогда советские народы, но все, что было в мире униженного или преследуемого. И молитвы святых, равно как слабых, грешных жертв или героев, были тогда с Россией, за Россию, опять святую, великую, в последнем стремительном броске всегда исправляющую свои ошибки, искупающую вину в братском союзе с просвещенными державами Европы. <...> Так было во времена татар и Карла Шведского, шедших покорять весь мир. То же случилось с Наполеоном и дважды на нашей памяти против немцев. Всякий раз Россия, необъяснимым чудом подстрекаемая ангелом или архангелом, в последнюю минуту выпрямлялась и занимала свое ответственное место рядом с традиционно христианскими, гуманитарными народами» (Яновский, 2012: 116).

Годы спустя, в 1961-м, великий поэт Наум Коржавин (после ссылки несколько месяцев живший у нас в квартире) написал в поэме «Конец века»:

Мы живем на земле —
нераздельной,
усталой,
израненной.
Друг от друга страдая,
нуждаясь хоть в капле тепла.
Я пишу не затем, чтоб свести
свои счета с Германией,

И найти в ней причину
 всемирного
 вечного зла.
Всепрощение?
 Нет.
 Это слишком ещё не история.
Это свежая рана,
 что в душах поныне жива,
В лагерях еще целы
 развалины крематориев,
В Бабьем Яре
 густая и жирная
 всходит трава.

Это не забывается и сегодня.

Но вначале войны было непонимание. Приведу строки из интервью писателя Даниила Гранина, прошедшего всю войну:

«Когда к нам в плен попал первый немецкий летчик (его самолет был подбит, он приземлился на парашюте прямо в расположение наших войск), то с нами разговаривал свысока, как с низшей расой, с превосходством арийца и военного человека. Он предвещал: “Вы обречены”. А мы этому немцу старались напомнить: Тельман, Карл Либкнехт, “пролетарии всех стран, соединяйтесь!”. Ведь это было повсюду, во всех газетах. И потребовалось несколько месяцев, чтобы мы набрались ненависти, злости. Во всяком случае — избавились от дружеских чувств и отношений».

На вопрос журналиста, откуда советские солдаты набирались ненависти, последовал прямой и страшный ответ писателя:

«От немецких солдат. Они, наступая, оставляли за собой выжженные деревни, разбитые города, виселицы. Но самое главное — за что? Почему? Какой лозунг войны у них был? Какая причина? Мы ничего не понимали. Слово ты идешь по улице и вдруг тебе дают по морде и кричат: “Мы тебя уничтожим”.

Ведь эта война была не для того, чтобы захватить какие-то земли. Нет. Они шли на Москву, чтобы уничтожить Россию. Уничтожить Ленинград. Гитлер прямо сказал: “Сровнять его с землей”» (Гранин).

Но начиналось все просто.

Рассказ мамы, Татьяны Сергеевны Колобашкиной, в замужестве Кантор, как они с отцом, юные влюбленные, гуляя в парке, услышали, что фашистская Гер-

мания напала на СССР. На следующий день, как честный советский гражданин и комсомолец, отец отправился в военкомат. Образованного молодого человека определили в авиацию, причем дальнего действия (АДД). Их часть базировалась в Челябинске. Но еще на вокзале в Москве они пережили первый и единственный такой мощный удар немецкой авиации. Бомбы рвались совсем рядом. Потом Москву закрыли наглухо. А тогда совсем молодые мальчишки-курсанты решили, что это боевая проверка, которую устроил москвичам товарищ Сталин. Прыгали по насыпи и орал: «Да здравствует товарищ Сталин!» Отец тоже орал. И только сопровождавший их сержант все понимал и кричал мальчишкам: «Ложись! В укрытие!» Они не понимали, но, слава Богу, тогда с ними все обошлось. Все уцелели.

Потом был Челябинск, авиашкола, в первые же дни родились стихи:

Цель моя неизменна — Берлин.
Он прогнал нас из парковой рощи.
И, как смерть,
пролетает над ним
мстящий,
яростный бомбардировщик.

А когда через пару месяцев он написал родителям, что скоро начнутся боевые вылеты, бабушка послала ему однотомику Маяковского, который отец хранил всю войну и привез домой. На титуле бабушка написала: «Дорогой Карл! Это том избранных произведений твоего учителя в поэзии. Но самый великий учитель — это страна Советов, созданная самоотверженной борьбой трудящегося народа, под гениальным руководством Ленина и Сталина. Пусть этот светильник человечества вдохновляет тебя на великие, героические дела. Твоя мать. Двадцать второго августа сорок первого года».

К рассказу об отце я еще вернусь. Пока же — о его старших братьях. Все трое, Саша, Лева и Алеша, уже испытанные Испанией, с первых дней воевали. Дядя Алеша, штатный сотрудник Главного разведывательного управления (ГРУ), продолжал испанскую линию. В его служебной характеристике написано: «В 1939 г. был отправлен на ответственную работу за рубеж. Будучи в спецкомандировке, т. Коробицин решал сложные разведывательные задачи». В справке сказано, что, вернувшись из Испании, он отбыл в Латинскую Америку и стал резидентом в Мексике. Но при этом ГРУ использовало его и в Германии.

Он мало о себе говорил, и только то, что самому казалось забавным. Один из его рассказов у нас за кухонным столом я сейчас передам. Из Гамбурга в 1939, кажется, году отходил последний пароход, нацисты закрывали для обывателей границу. Дядя Алеша тоже был на том пароходе. И тут вошли эсэсовцы, началась

тщательная проверка паспортов. А по словам дяди Алеши, паспорт ему сделали немецкие подпольщики и была это откровенная липа. Прикинувшись провожающим, он сошел на берег, схватил такси и понесся в мексиканское консульство. Там сидел пьяный, как всегда, консул и дремал. Отборным испанским матом дядька его разбудил. С трудом открыв глаза, тот шлепнул на паспорт вошедшего визу. А мексиканская виза, как рассказывал дядя Алеша, была огромного размера и закрыла все огрехи немецких борцов Сопротивления. И он как ни в чем не бывало вернулся на пароход.

Так он попал в СССР. Естественно, шли проверки, но потом он снова отправился в Мексику. Каким путем — не знаю.

Другие истории после. ГРУ продолжало работать, и до 1941 г. дядя Алеша был резидентом в Мексике. В 1941-м, чего-то испугавшись, высокое начальство вытребовало его в Москву. Как потом оказалось, напрасно. В 1942-м его сбросили в тыл, в Гомельскую область...

Многозначительная фраза из характеристики: «В период Великой Отечественной войны Коробицин А. П. работает в тылу немецко-фашистских войск на территории Белоруссии. Там он руководит действиями разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов».

Однако двигаемся по хронологии...

Про дядю Сашу я не очень хорошо знаю: он воевал, потом был диктором вещания на Испанию, в домашнем архиве осталось удостоверение его медали «За победу над Германией». Покажу его фото, где он снят рядом с младшим братом Алешей.

Несколько слов о втором сыне деда — дяде Леве. Он был капитаном морской пехоты и в январе 1942 г. под Ленинградом погиб, закрыв своим телом немецкий дзот, откуда бил по наступающим морякам пулемет. В бумагах отца сохранился потрясающий документ, письмо начштаба дяди Левы. Письмо адресовано его жене (вдове) Валентине. Привожу его целиком.

«Уважаемая гражданка Коробицина!

Выражаю Вам глубокое и искреннее сожаление по поводу смерти Вашего мужа Льва Максимовича Коробицина, погибшего в ночь с 9-го на 10-е января 1942 г. от вражеской пули гнусных фашистских бандитов при выполнении им одной из ответственных операций на Ленинградском фронте.

Товарищ Коробицин скончался на руках его верных товарищей-моряков при выносе его с поля боя, вследствие тяжелого ранения в правый бок разрывной пулей.

Тело тов. Коробицина вынесено с поля боя и доставлено по моему приказанию в часть.

Тов. Коробицин похоронен, с оказанием воинских почестей, на кладбище в Усть-Ижоре на берегу реки Невы.

Тяжелая утрата одного из лучших товарищей моряков — смелого, решительного, волевого командира, который пошел самоотверженно в бой является лучшим и достойным примером для всех бойцов Красной Армии.

На могиле тов. Коробицина мы дали клятву отомстить за его смерть извергам — фашистским бандитам.

Ваше горе глубоко и тяжело, но Вы не одни и горе народное выразит ненависть и волю к победе над заклятым врагом.

Сейчас Красная Армия разит и безжалостно гонит фашистских оккупантов и недалек час победы.

Наше правительство не оставит Вас в одиночестве. Лучшие страницы героев-бойцов никто не забудет. Я наде-

Александр Моисеевич и Алексей Павлович Коробицины. 31.05.1942.
Фотография из семейного архива

Медаль «За победу над Германией»

юсь, что Вы мужественно перенесете утрату и воспитаєте свою дочь, дочь орденосного командира для лучших дней нашей жизни. Желаю Вам силы, бодрости и большого мужества. Начальник 2-го отдела штаба 72 СД. Капитан 3-го ранга Бондарь 14.01.42 г.».

Это было потрясением для его матери, отца и всех братьев. Друзья тоже обещали мстить за Леву. Думаю, желание отомстить тоже поднимало бойцов.

Своему отцу, моему деду, дядя Алеша написал перед, как теперь понимаю, выброской в белорусские леса. Это реакция на письмо Зумруд, жены дяди Саши.

«Москва 21 мая 1942 г.

Дорогой папа!

Я с удивлением узнал из письма Зумруд о том, что ты не получил моего письма, которое я послал тебе после моего приезда, и, конечно, вполне разделяю твою обиду на меня в связи с моим молчанием (вернее — отсутствием писем). Папочка! Это верно, что я невозможный человек в отношении моей корреспонденции, но значит ли это, что я забываю или недостаточно люблю своих родных и знакомых? Я думаю, что нет. Одним словом — моя корреспонденция обратно пропорциональна моим чувствам...

Давно, очень давно мы с тобой не видались — более трех лет. За это время пережито нами столько, сколько не расскажешь в течение столетия. Но приятно сознавать, что мы не только переживаем — мы делаем историю. Каждый из нас вписывает заметную страницу в Великую Историю Отечественной Войны.

Я переписывался с Карлом, моим замечательным младшим братом, и могу тебе только сказать, что горжусь им. Я как никогда горжусь моим братом-героем, моим дорогим, любимым Левочкой, который погиб геройски. Я горжусь его женой Валинькой, занявшей его место на пароходе. Я горжусь Сашей, его храбростью, проявленной в боях, тобой я горжусь, потому что ты даешь стране больше, чем может дать твой организм. Я горжусь каждым красноармейцем, каждым советским гражданином — всей страной. Ну разве можно заставить пригнуть голову такой гордый народ??

Очевидно, идиоты из Берлина не учли, что мы — гордый народ. Да и что ожидать от работы эрзац-мозгов.

Папочка! Я послезавтра уезжаю в командировку, где пробуду, вероятно, остаток 1942 г. Писать я к вам не смогу, да и получать письма тоже. Новости обо мне сможет передавать изредка Саша. Целую тебя крепко — до счастливой встречи. Большой пламенный привет Иде и Зумруд с ребятами.

Алеша»

Затем была Белоруссия, его новая командировка. Группа советских диверсантов, которую возглавлял дядя Алеша (псевдоним его как разведчика — Лео), вылетела на задание в партизанский отряд. Цитирую справку: «В ее состав, кроме Коробицина (“Лео”) и Федора Кравченко (“Панчо”), товарища Лео по мексиканской работе, входил радист Г. Антоненко (“Поль”) и два австрийских антифашиста — И. Штейнер (“Тарас”) и М. Ляйтнер (“Максим”). Это их едва не погубило».

Далее пересказываю застольную историю. Их десантировали, но летчик промахнулся, и отряд приземлился в расположение партизанского отряда, однако другого, где их не ждали. Поскольку все диверсанты были в немецкой форме, то их приняли за карателей. Дядя Алеша по-русски, с матерными словами, пытался втолковать партизанам, кто они. Австрийцы же могли только повторять: «Es lebe genosse Stalin!» Это насторожило вооруженных мужиков. Их отвели к командиру отряда. Дядя Алеша повторил, что они посланы Москвой, но командир, сидевший в землянке со стаканом самогона и куском хлеба с салом, сказал, что им не верит, что они фашисты и пусть лучше расскажут, что делают на его территории. Ничто его не убедило, он приказал их расстрелять. Привязали к деревьям и стреляли поверх голов. Снова привели к командиру. Тот

Федор Кравченко (слева) и Алексей Коробицин: Панчо и Лео. Фотография. 1942 (?)
(Фотографии взяты из журнала: ФСБ: ЗА И ПРОТИВ. №4 (56) 2018, с. 66. Прим. ред.)

предложил вариант. Раз-де у группы есть рация, пусть Москва подтвердит их полномочия. И вдруг ухмыльнулся: мол, немцы тоже могут подтвердить, это плохая проверка. Пусть лучше Совинформбюро передаст сообщение, что такой-то партизанский отряд уничтожил столько-то вражеских эшелонов, много техники и живой силы. Назвал фантастические цифры. Это, дескать, и послужит доказательством, что вы люди Москвы. Когда дядя Алеша сказал, что у них другое задание и от них ждут других сведений, их снова повели расстреливать. После третьего раза стало понятно, что четвертого им не пережить, и радист группы отстукал текст сообщения. Командир ухмыльнулся и заявил, что ждет неделю. Как потом выяснилось, в Центре удивились радиограмме и в Совинформбюро передавать ее не стали. Но там находился в этот момент дядин друг. Он сообразил: Алеша просто так подобное сообщение не послал бы. И три ночи провел на ступенях Совинформбюро, и добился, чтобы сообщение прозвучало в эфире, и спас таким образом пятерых. Их тут же развязали, налили самогону, дали хлеба с салом.

Начались постоянные бои. Скоро дело повернулось так, что дядя Алеша стал командиром отряда.

Дальше опять цитирую справку (кстати, документ для внутреннего пользования, нигде не публиковался): «Восемь месяцев и одну неделю отряд успешно действовал в тылу врага. Так, например, 15 ноября 1942 г. “Лео” передал в Центр: “Группа под командованием моим и Панчо совместно с отрядом Федорова занимается диверсионной работой. Пущены под откос 11 воинских эшелонов, уничтожено 5 грузовых, 11 легковых машин. Убито 1 485 солдат и офицеров, ранено 327 офицеров, в том числе генерал и подполковник”. Непрерывные бои с врагом поставили группу в тяжелое положение. 10 февраля 1943-го “Лео” радировал: “Ежедневные бои не позволяют дать координаты. Макс ранен. Тарас ранен. Есть обмороженные”. Последней каплей стало “тяжелое отравление во время голодания” (из рапорта майора медслужбы). 5 марта 1943 г. группу вывезли на самолете в Москву».

Дальше история не менее фантастическая и героическая.

Надо знать, что на Нюрнбергском процессе один из осужденных гитлеровцев, увидев среди обвинителей французов, ухмыльнулся и задал вопрос: «А вы-то как сюда попали?» — с истинно арийским презрением к тому, как те воевали. Известно, что на включении Франции в число держав-победительниц настоял Сталин. У него имелись свои геополитические расчеты.

Итак, после капитуляции Третьего рейха Франция перехватила часть немецких кораблей и решила присвоить их как трофеи, но понимая, что ни СССР, ни Англия не согласятся, попыталась представить их как французские: корабли начали перекрашивать и соответственно переименовывать. Дядя

Алеша в роли капитана из Марсея (стало быть, и французский был у него хорош) объехал все подозрительные порты и передал в Ставку реальные имена кораблей.

Были еще события, вполне серьезные, но о них он мало рассказывал. Разве что одну историю приведу. На первом курсе университета (1963 г.) моего приятеля вызвали в Первый отдел и предложили сообщать о настроениях студентов. Он по наивности передал этот разговор мне и сказал, что, наверное, пойдет: «Надо же, чтобы там были честные люди». Домой я вернулся в растерянности. Дома оказался дядя Алеша, они с папой пили чай. «Ты чего такой встрепанный?» — спросил он. И тут я с ходу рассказал, что случилось с приятелем. Дядя посмотрел на меня, вздохнул и сказал: «Ты больше этому твоему приятелю о своих настроениях и сомнениях не рассказывай». «Почему?» «Интуиция. С органами надо быть начеку». Я посмотрел на него вопросительно: «Но ты разве не там служил?» Он покачал головой: «Запомни. ГРУ и НКВД — разные структуры. НКВД столько расстреляло моих товарищей, рассказывать не могу и не хочу. После войны меня вызвали и предложили работать на них. Я попросил разрешения обдумать предложение. Хорошо, сказал чин, даю неделю. Так полагалось. Через неделю прихожу. “Ну?” — спрашивает. Отвечаю: “Согласен. Спросил разрешения у своего начальства. Мне разрешили”. Тот аж завопил: “Как! Вы же давали подписку о неразглашении!” Я спокойно так отвечаю: “Никакой подписки я не давал”. Он прямо прохрипел: “Но мы-то думали, что раз вы работаете в таком месте, вы все понимаете”. Дядя Алеша, по его словам, на это ответил: “Но именно потому, что я работаю в таком месте, я не мог не предупредить свое начальство”». Короче, больше его не приглашали, но и на работе посыпались неприятности. Еще дважды его посылали в заграничные «командировки». Когда он вернулся последний раз, почти все коллеги были расстреляны. И в сорок лет его уволили в запас.

Все из той же закрытой служебной справки:

«Коробицин А. П. является одним из лучших советских разведчиков. Разносторонне образованный, смелый, инициативный, беззаветно преданный родине и делу нашей партии. Капитан Коробицин не щадя своей жизни боролся против врага и везде, куда бы ни направляло его командование, образцово выполнял поставленные задачи. За боевую работу в тылу противника Алексея Павловича награждают орденом “Красная Звезда” и медалью “Партизану Отечественной войны I степени”, а за активное участие в боях против фашистов в Испании — орденом “Красное Знамя”.

Алексей Павлович Коробицин после войны работал на кафедре испанского языка Военного института иностранных языков, а после выхода в отставку стал писателем. Его перу принадлежат книги: “Жизнь в рассрочку”, “Хуан Маркадо — мститель из Техаса”, “Тайна музея восковых фигур”. Умер он в 1966 г.».

Умирал от рака. Очень мучился. Просил мою бабушку, вторую жену его отца, моего деда, он дружил с ней: «Ида, ты же сильная, дай мне яд. Большевики должны помогать друг другу». Но она не дала: «Существует партийная этика. Самоубийство — это слабость. Нельзя».

Это обложка самой знаменитой его книги.

Был еще человек, о котором не могу не сказать. Друг отца со школы, в сущности, брат, с которым он делился всем, — дядя Гриша, считавший себя практически приемным сыном родителей моего отца. Я говорю сейчас о режиссере Григории Наумовиче Чухрае (1921–2001), снявшем одну из лучших кинокартин о войне — «Балладу о солдате» (1959). Во время Великой Отечественной войны он был десантником, участвовал в боях на Южном, Сталинградском, Донском, 1-м и 3-м Украинских фронтах. В ходе боев за Дон стал младшим лейтенантом. Четырежды ранен. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, чехословацким орденом «Партизанская звезда», медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Вены», «За победу над Германией», четырьмя медалями ЧССР и др.

Бывший десантник, прошедший всю войну, он мог говорить только правду. Фильмы его поначалу ошеломили чиновников. Согласно домашнему рассказу дяди Гриши, один киношный чиновник кричал по поводу «Баллады»: «Я бы из пулемета расстреливал тех, кто на экране убивает советских людей». А сам Чухрай вспоминал начало своей судьбы в кино: «За первый мой самостоятельный фильм “Сорок первый” меня отдавали под суд. За “Балладу о солдате” исключали из партии, за “Чистое небо” пытались посадить за решетку, за “Трясину” чуть не разогнали руководство студии, а меня хотели лишить права на профессию. Я никому не жаловался, никого не просил о помощи. Я боролся. И так получалось, что многие люди приходили мне на помощь. Мои фильмы получили десятки престижных призов на международных фестивалях, а за “Балладу о солдате” я получил Ленинскую премию. Но сегодня радует меня не это. Меня радует, что, снятые 30–40 лет назад, они до сих пор не сходят с экранов» (Чухрай, 2016: 16). И это чистая правда. Он таким и был, как о себе пишет: «Я никому не льстил, никому не лез в душу — все получалось само собой. Моими личными друзьями были мои фронтовые братья: Павел Кирмас, Георгий Кондрашов, Сурен Мирзоян, поэты Наум Коржавин, Назым Хикмет, Александр Твардовский. До сих пор, вот уже 60 лет, я дружу с Карлом Кантором» (Там же: 15).

Как и многие воевавшие тяжело, он никогда в подробностях не рассказывал свои боевые истории или я не запомнил. Но один его рассказ остался в памяти. Может, я не буду точен, но за столом говорили о «наших» и «ненаших». История дяди Гриши тогда меня почти убила, потом понял: так часто бывало. Десантни-

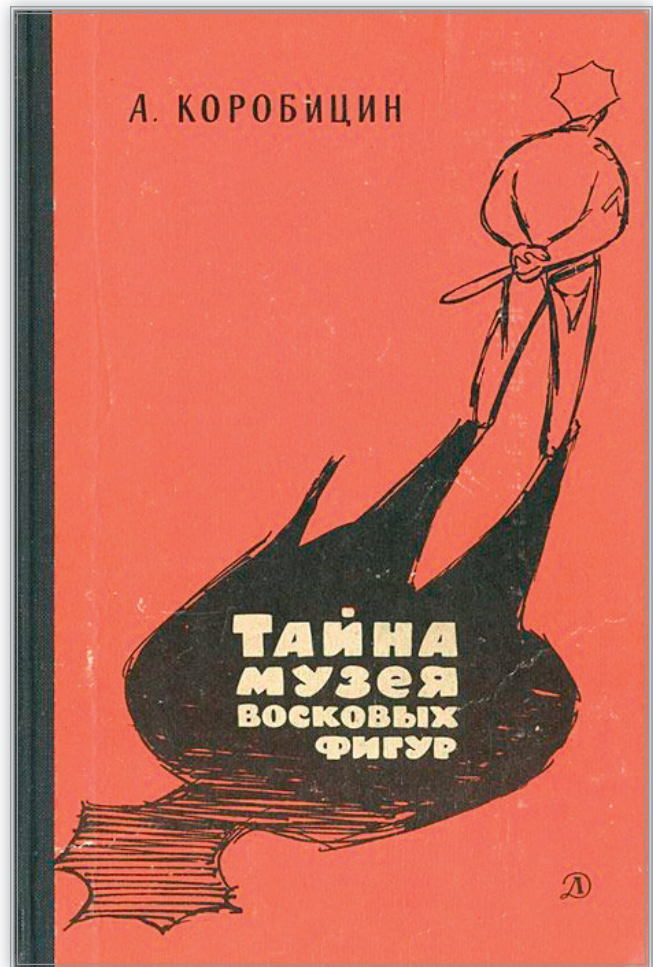
ки выбросились не там, где нужно, и пробирались к своим. Было голодно. Они прятались в кустах недалеко от русской деревеньки. И молодой лейтенант Чухрай послал одного из рядовых в ближайшую избу попросить хлеба. Посланного все не было. Наконец они увидели, что крестьянка выскочила из дома — подумали, за хлебом, но через пять минут привела в дом немцев. Враги выволокли солдата во двор, били, спрашивали о чем-то, тот не отвечал, его застрелили. В бой отряд вступить не решился: немцев было много больше.

История страшная. Немцы подошли к Москве. Наши были везде разбиты, отступали. Как говорил тогда дядя Гриша, думалось, страна на грани гибели. Похоже, что происходило падение на самое дно, ниже некуда.

И как хватило сил распрямиться, казалось ведь, что невозможно! Но распрямились!

Свободомыслие будущего великого режиссера рождалось в тесном общении с моей семьей, с его лучшим другом и его родными. Вот воспоминания Чухрая о юности и войне:

«Самым близким мне другом был Карлуша Бондарев. В период юдофобства и борьбы с “космополитами” кристально честный Карлуша принципиально сменил русскую фамилию матери на еврейскую фамилию отца: Кантор. Его мать Ида Исааковна Бондарева, член коммунистической партии с 1903 г., во время столыпинской реакции эмигрировала в Аргентину, была одним из организаторов аргентинской компартии. Я часто бывал в этой семье. Мне в ней нравилось все: и скромная легкая мебель, и полки книг во всех комнатах от пола до потолка, и то, что они знали много европейских языков, и стиль отношений в семье. Они были удивительно красивыми людьми и физически и нравственно. К простым людям они относились без деланного демократизма, но с искренним уважением, презирали чванство и притворство, ненавидели национализм, много трудились. Отец Карла был профессором геологии в Тимирязевской академии. Он тоже был коммунистом. Карл

привил мне любовь к поэзии Владимира Маяковского. Его родная сестра Лиля Герреро была в Аргентине писательницей и перевела Маяковского и других советских поэтов на испанский. Она пару раз приезжала в Москву, я познакомился с ней. Она была необычно красива. Я, мальчишка, любовался ею и с уважением смотрел на орден Красной Звезды, который она получила за Испанию (воевала в интернациональной бригаде). Карл тоже родился в Аргентине. Родители возвратились в СССР только в 1924 г.» (Там же: 11).

Здесь есть мелкие неточности, отец взял фамилию отца, чтобы продолжить родовую, поскольку его братья взяли фамилию матери, первой жены деда. И в Советскую Россию они вернулись в 1926 г.

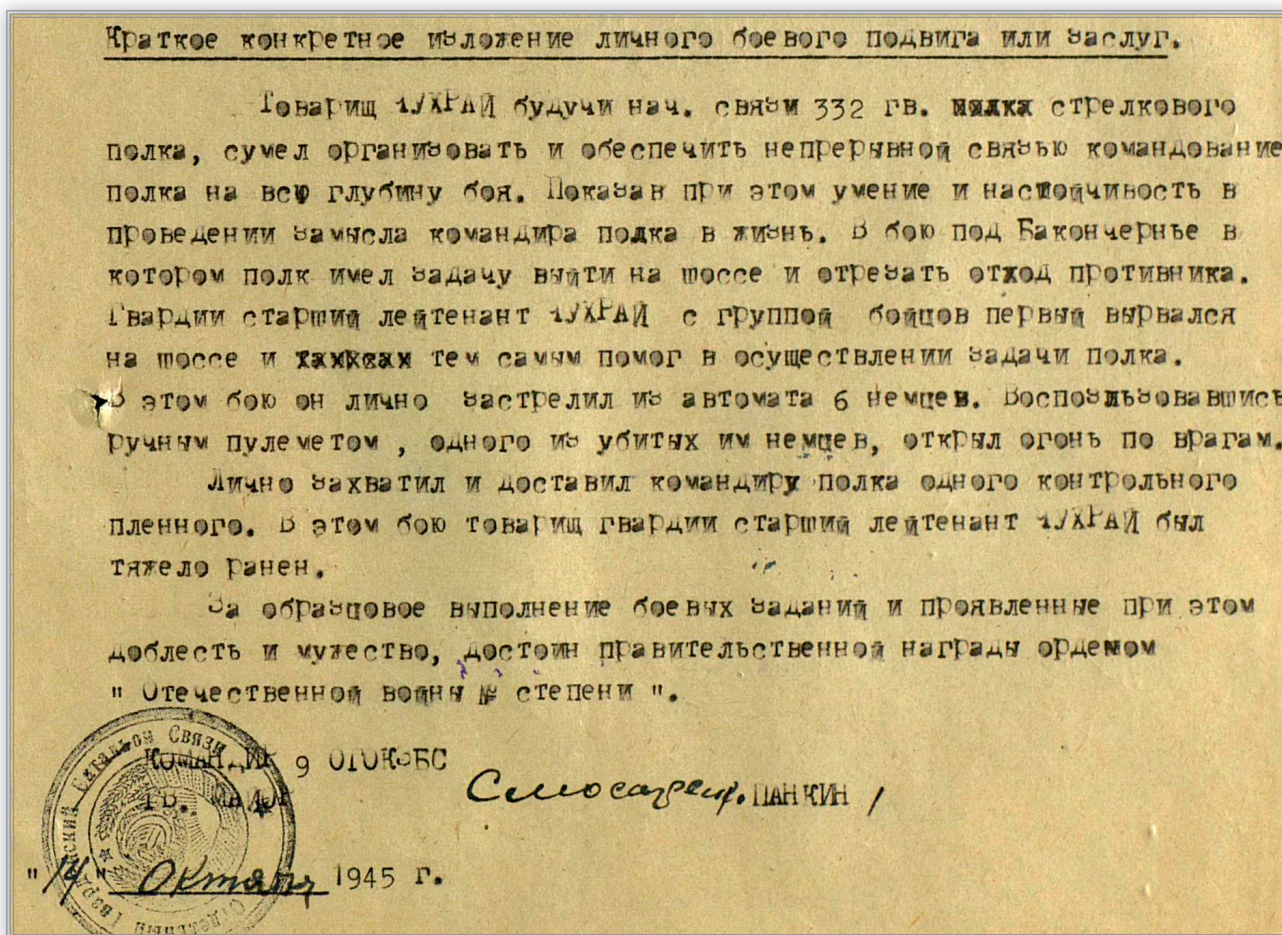
Дядя Гриша вспомнил и их общего школьного друга, Андрея Кисловского. Кисловские жили в доме напротив — по сторонам Красностуденческого проезда стояли два профессорских дома. Андрей и его младший брат Лева были внуками великого историка Дмитрия Моисеевича Петрушевского, как-то пригласившего дядю Гришу и отца к себе в гости, чтобы познакомиться с друзьями внука. «Не знаю, какое впечатление произвели на него мы, — пишет Чухрай, — но он на нас произвел большое. Мы первый раз в жизни видели живого академика. Он говорил с нами как с равными. Делился своими мыслями, совершенно не опасаясь никого. Например, говоря о “Кратком курсе истории партии”, он беззлобно заметил, что эта книга ничего общего с историей не имеет. Слушая его, мы верили в то, о чем он говорил» (Там же: 14).

Г. Н. Чухрай.
1943. Из семейного архива

рией не имеет. Слушая его, мы верили в то, о чем он говорил» (Там же: 14).

С Чухраем отец дружил всю жизнь. Они верили друг в друга, Чухрай подолгу жил у нас. Уже я помню, как родилась одна из сцен «Сорок первого»: героиня Марютка, «черная кость», бранится с поручиком-белогвардейцем Говорухой-Отроком, который не умеет чистить рыбу. Это буквально записанные слова мамы, ругавшей отца, что он не помогает ей на кухне. Но такова поразительная особенность искусства: бытовая сцена, попав в другой, художественный контекст, словно утрачивает особенности происхождения, становясь частью другого образа, но обязательно подпитанного живой жизнью.

Представление Г. Н. Чухрая к награде. Из семейного архива

И еще в бумагах отца текст представления к награде: вот за что Чухрай получил орден Отечественной войны.

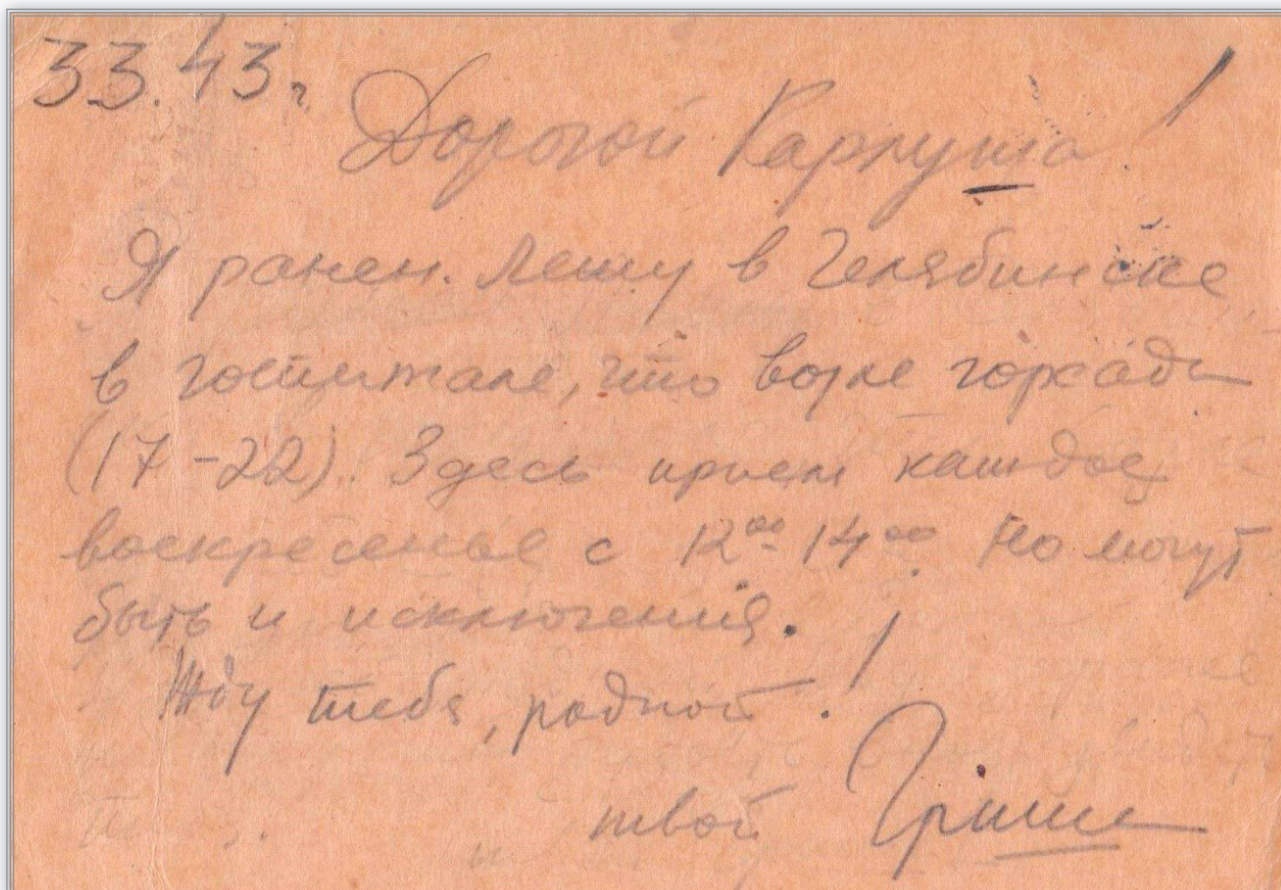
Мама писала отцу в Челябинск: «Получено письмо от Гриши, которое пересылаю тебе, и прошлогоднее письмо Лили. Гриша устал от войны, но все так же успешен в своих подвигах. Об Иринке не пишет ни слова. Он сейчас в Венгрии». Иринка — жена дяди Гриши, с ней он прожил всю жизнь.

Смешно сказать, но в 1943 г. Чухрай попал вдруг в Челябинск. Там закадычные друзья неожиданно встретились: война как разводила людей, так и сводила. У меня сохранилась открытка от Чухрая, где он просил отца зайти к нему в госпиталь. В этот момент мама находилась там же, поскольку жениху за успешное выполнение некоего боевого задания разрешили вызвать к себе невесту. И к Чухраю они пошли вместе. Встреча, полагаю, была более чем дружеская.

Но отец еще оставался в Челябинске, а дядя Гриша вернулся в действующую армию. По дороге он заехал к родителям отца, от них уже в армию. Вот еще одно письмо, адресованное родителям отца, которых он называл мамой и папой, а также моей маме:

Григорий Наумович и Ирина Павловна Чухраи. 1945 (?)

«3.12 — 44.

Слуцк

Дорогие мама, папа и Танюша!

Все обернулось так, как я не ожидал. Мне не придется побывать у вас до боя. Бой близок, и я отправляю к вам все ненужное мне на это время.

Жалко, что не смогу встретиться с вами Новый год. Но где бы я ни был, сердце мое всегда будет на родной Земле с Вами.

Карлушеньке я послал два письма, но если он не успеет получить их в Челябинске, обнимите и поцелуйте за меня моего бесценного друга. Я в восторге от его успехов и желаю ему в тысячу раз больших. Я уверен, что будет так, как мы все ему желаем.

Поцелуйте Иночку и скажите ей, что я ушел рассчитываться с фрицами за Леву.

Целую вас. Желаю от всего сердца вам счастья, здоровья и успехов.

Ваш Гриша»

Отец всю жизнь был очень привязан к другу. Когда Карл Кантор скончался, моя жена Марина сфотографировала его кабинет. На полке с томами философов стояли фотографии молодого Григория Чухрая, еще офицера.

Незадолго до смерти отец написал нечто вроде «Vita Nuova» под названием «Таниада». В ней чередовались стихи и проза. Проза — это рассказ о начальной эпохе любви с мамой. А в стихах — вера в будущее.

Война эта — судьбораздел.
Нас вихрем она разбросала.
Мы нынче всё и везде.
Я льюсь
по отрогам Урала.
И если моя — Миасс,
твоя судьба — Лихоборка,
не сольемся,
бурля и смеясь,
не родим
озерца-ребенка.

Что б ни были мы и где б,
Но только бы землю России
реки наших судеб,
иссохшую, оросили.

А вот сюжет о том, что с 1943 г. отец делал в Челябинске.

Книжная полка Карла Кантора

«В ноябре 1943 г. со званием младшего лейтенанта я закончил Училище. Ждали распределения по действующим частям. Накануне в Училище прилетел Главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов. Он поздравил нас с окончанием ЧВАКУШ АДД, а затем по поручению Верховного Главнокомандующего сказал примерно следующее: после разгрома немцев под Сталинградом фашистская армия полностью выдохлась, а Красная на подъеме. Наша первая задача — окончательно добить врага на своей территории, вторая задача — освободить немецкий народ от фашизма и для закрепления успеха и предотвращения превращения наших временных союзников в наших новых врагов занять всю территорию Западной Европы, включая Францию, Англию, Италию, Испанию, Данию, Норвегию, с тем чтобы нам принадлежала вся береговая линия Атлантического океана по всему побережью Западной Европы. А так как США не смирятся с потерей Европы, нам необходимо быть готовым к войне с США. Для этого нам особенно следует позаботиться об авиации дальнего действия. Отсюда вытекает третья задача — нанести военное поражение США. Из этого следует, что ни один выпускник Челябинского Училища в нынешней войне принимать участия не будет. Готовьтесь к войне с Америкой.

Но у нас и теперь достаточно самолетов, летчиков и штурманов, а вот стрелков-радистов не хватает. По этой причине мы удваиваем летный состав Училища за счет

набора уральской молодежи для подготовки из них классных стрелков-радистов для работы как на земле, так и в воздухе. Вы все должны понять, что подготовка стрелков-радистов АДД сегодня равносильна участию в боях на фронте. Перед Советским Союзом возникла уникальная возможность уничтожить капитализм во всем мире и построить Мировую республику Социалистических Советов, о чем мечтал Ленин».

Так что последние годы войны отец преподавал. Вот письмо его воспитанников:

«Здравствуйте, многоуважаемый наш учитель, вернее наш “отец” тов. Кантор К. М. Конечно, извините нас, что так Вам долго не писали письма. В виду того, что жизнь наша была на колесах до этих пор. <...> При благоприятной погоде мы воюем, т. е. выполняем боевые задания. Спасибо вам, тов. Кантор за ваши труды, приложенные в нас. <...> Сообщаем вам, тов. Кантор: Журавлев и Пилипенко погибли смертью храбрых русских воинов. <...> Ваши дети Стариков П. М., Самородников».

Храм Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине.
1859. Архитектор А. Ф. Ярошевский

Семейное фото 1947 г.

Отец верил в то, чем жил. Вступая во время войны в партию, верил, что это лучшее, что придумало человечество. Потом были дни учебы, дни катастроф для него и мамы. Сначала в 1948 г. сессия ВАСХНИЛ, уничтожившая отечественную генетику (а мама была ученицей великого генетика и героя войны Иосифа Абрамовича Рапопорта), потом в 1949 г. компания против космополитов. Это было своего рода продолжение войны, опрокинувшей внутрь страны.

Закончу историей про мамин День Победы.

Я родился 30 марта 1945 г., шли последние месяцы войны. В роддоме практически все младенцы получили сепсис — заражение крови. В результате диверсии, как говорили женщины, потерявшие детей, Но, думаю, диверсия ни при чем, только классическая российская нечистоплотность. Пришел древний Мор, бог смерти, холода, голода и болезней, и забрал одного ребенка за другим. Мамина мама бабушка Люба ходила в церковь во Владыкине, недалеко от Лихобор, приносила святой воды и, как рассказывала мама, кропила мою постель, осеняла крестом маму и меня. Мама в Бога верила и не верила: все же она была комсомолкой и студенткой биофака.

Время было — без воды и отопления, лекарств не достать. Поэтому все шло в дело, святая вода тоже. Однако спасла младенца другая жидкость, которую толь-

ко привезли из действующей армии и стали раздавать по больницам. Это был пенициллин. Когда пенициллин попал в роддом, где лежали изможденные умирающие дети, врачи растерялись. Их испуг передался и молодым мамам: русские женщины, лежавшие в больнице, твердо отказались его использовать. Но была докторша, которая приняла идею пенициллина и принялась уговаривать пациенток, что это открытие британца Александра Флеминга спасет их детей. Согласилась одна мама. Один я из всего роддома и выжил. Болел весь апрель. 9 мая маму с младенцем на руках выписали, ее встречала бабушка Люба, отец еще был в армии. На трамвае они доехали до Лихобор. С тех пор мама отмечала два моих дня рождения — 30 марта и 9 мая. День военной победы оказался моим вторым днем рождения. Мама боролась со смертью и победила ее. Что делать, человеческая жизнь пронизана символами!

А в 1947 г. отец демобилизовался и вернулся домой. И нас стало трое.

Литература

- Мамардашвили М. К. (1995) Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem.
- Оруэлл Дж. (2009) Вспоминая войну в Испании // Оруэлл Дж. Скотный двор. 1984. Памяти Каталонии. Эссе. М.: АСТ.
- Петлянова Н. О. (2017) «Что такое — 42 миллиона погибших? Это не цифра. Это одиночество»: Интервью фронтовика, писателя и почетного гражданина Петербурга Даниила Гранина накануне 9 мая. Новая газета. 12.05. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/05/08/72394?print=true> (дата обращения: 19 мая 2020).
- Федотов Г. П. (1988) Защита России. Статьи 1936–1940. Paris: YMKA-PRESS.
- Чухрай Г. Н. (2016) Я служил в десанте. Москва: Алисторус.
- Эренбург И. Г. (2004) Война. 1941–1945. М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ. URL: http://militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig3/index.html (дата обращения: 19 мая 2020).
- Яновский В. С. (2012) Поля Елисейские. Книга памяти. М.: Астрель.

FOR THE SAKE OF LIFE ON EARTH

Vladimir K. Kantor

DSc in Philosophy, Tenured Professor, School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics. Laboratory Head: International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue. National Research University Higher School of Economics, Russian Federation. Editor-in-chief of Journal “Philosophical letters. Russian and European dialogue”. Member of the Union of Russian writers, member of the Public Council of the Dostoevsky Foundation. 21/4 Staraya Basmannaya Street, Moscow, Russian Federation 105066. Office A-215 E-mail: vlkantor@mail.ru

References

- Mamardashvili M. K. (1995) *Lekcii o Pruste (psihologicheseskaja topologija puti)* [Lectures about Proust (psychological topology of the path)], Moscow: Ad Marginem (In Russian).
- Orwell G. (2009) *Vspominaja vojnu v Ispanii* [Remembering the War in Spain], *Skotnyj dvor. 1984. Pamjati Katalonii. Jesse [Barnyard. 1984. In Memory of Catalonia. Essay]*, Moscow: AST (In Russian).
- Petljanova N. O. (2017) “Chto takoe — 42 milliona pogibshih? Jeto ne cifra. Jeto odinochestvo”, Interv’ju frontovika, pisatelja i pochetnogo grazhdanina Peterburga Daniila Granina nakanune 9 maja [“What is 42 million dead? This is not a Number. This is Loneliness”, Interview with a Front-line Soldier, Writer and Honorary Citizen of St. Petersburg Daniil Granin on the Eve of May 9], *Novaja gazeta [New Newspaper]*, 12. 05. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/05/08/72394?print=true> (accessed 19 May 2020) (In Russian).
- Fedotov G. P. (1988) *Zashhita Rossii. Stat’i 1936–1940* [Defense of Russia. Articles 1936–1940]. Paris: YMKA-PRESS (In Russian).
- Chuhraj G. N. (2016) *Ja sluzhil v desante* [I served in the landing], Moscow: Alistorus (In Russian).
- Jerenburg I. G. (2004) *Vojna. 1941–1945* [War. 1941–1945], Moscow: KRPA Olimp; Astrel’; AST. URL: http://militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig3/index.html (accessed 19 May 2020) (In Russian).
- Janovskij V. S. (2012) *Polja Elisejskie. Kniga pamjati* [Champs Elysees. Memory book], Moscow: Astrel’ (In Russian).